

A massive red and black mecha, resembling a giant robot, stands in the center of a city street that has been reduced to rubble. The mecha's legs are the primary focus, towering over the scene. In the foreground, a crowd of people, some wearing red hoods, are walking away from the viewer towards the base of the robot. The background shows damaged buildings and a hazy, overcast sky.

Александр Восьмой

Король Астарот

Александр Восьмой Король Астарот

<https://litres.ru/74232048>

SelfPub; 2026

Аннотация

Король Астарот — это призрак в доспехах из плоти. В мегаполисе, поглощённом вечным сумраком, король Астарот запускает ритуал массового создания армии. Огромные механические клешни выхватывают из вязких резервуаров нечто, что лишь отдалённо напоминает людей — и уже через минуты эти существа встают в строй. Эпичные сцены маршей по руинам, грохот брони и шёпот призрачных голосов создают атмосферу обречённого мира, где каждый шаг — эхо грядущей бойни. Резервуары с грязью — не просто сырьё, а колыбель чудовищ. Из них поднимаются солдаты, чьи тела ещё не до конца сформировались, но уже готовы убивать. В этой книге масштаб войны раскрывается через контраст: хрупкость отдельных судеб на фоне колоссальной военной машины. Эпичные битвы, кровавые ритуалы и нарастающая паника создают плотную, давящую атмосферу.

Александр Восьмой

Король Астарот

Глава 1. «Тени над руинами»

Свинец небес давил на город, словно проклятье,

Асфальт стонал под тяжестью грядущей беды.

Здесь каждый угол шептал о близкой расплате,

А тени множились, росли из пустоты.

Проспекты — шрамы, проспекты — могилы,

Обломки башен врезались в серый туман.

И гул шагов по руинам, тяжёлый и постылый,

Катился эхом сквозь мёртвый, застывший план.

Они шли рядами — не люди, не звери,

С глазами, горящими тусклым, чужим огнём.

В их движениях — механический холод и вера

В того, кто правил этим проклятым днём.

В центре города, где стыли все надежды,

Возвышалась Цитадель — из стали и костей.

Она дышала тьмой, была страшнее бездны,

И манила к себе, как магнит, всех обречённых детей.

Там, в резервуарах, кипела вязкая грязь,

Живое месиво, пульсирующее во мгле.

Оно шептало, звало, терзало, смеялось,

Рождая монстров в холодной, сырой земле.

Огромные клешни, как когти исполина,

С лязгом вонзались в эту проклятую жижу.

Из грязи поднимались фигуры без имени,

Уже готовые убивать, уже готовые жить.

Ещё бесформенные, ещё не до конца собранные,

С кожей натянутой, с суставами, что скрипели в такт.

Но в их пустых глазницах уже пылали, упрямые,

Голод и ярость — как первый, глухой сигнал атак.
Кай прятался среди руин, сжавшись в комок,

Треснувший экран ловил этот жуткий обряд.

Он не знал, что запись станет последним звонком,

Что эти кадры разбудят весь мир, как сигнал бед.
Дрожащими пальцами он фиксировал кошмар,

Каждый кадр — как удар, как приговор судьбе.

Он видел, как мир сгорал в этом ледяном пожаре,

Как тьма брала своё на этой проклятой земле.
А над Цитаделью, в вихре теней и дыма,

Возник силуэт — без лица, без тепла, без слов.

Король Астарот, призрак в доспехах из плоти,

Смотрел на свой город, на легионы врагов.
Он не кричал — он шептал, и этот шёпот звенел

В каждом нерве, в каждой клетке, в самой глубине души.

«Вы — лишь грязь. Я — тот, кто придаст ей форму.

Вы — лишь пыль. А я — огонь, что сожжёт все миры».
И Кай замер, чувствуя, как холод ползёт по спине,

Понимая: точка невозврата пройдена давно.

Война уже здесь. Она дышит в затылок во тьме,

И спасения нет — только бой, только пепел, только дно.

Город застыл, ожидая удара,

Руины хранили молчание, полное страха.

Но где-то внутри, в глубине угасающего взгляда,

Ещё тлела искра — надежда, что станет началом.

Глава 2. «Грязь, что дышит»

Кай крался сквозь тьму, где воздух был густ и тяжёл,

Как будто сам город дышал, но уже не как прежде.

Каждый шаг отдавался в груди ледяным уколом,

А впереди, в белёсом тумане, клубилась надежда — и страх заодно.

Резервуары стояли, как чёрные озёра боли,

Их края дрожали от ритма железных машин.

Из вязкой жижи, из грязи, из самой сути горя

Рождались фигуры — без имени, без причин.

Кожа — серая, натянутая, будто сшита из лоскутов,

Суставы щёлкали, как ржавые петли в аду.

Движения — резкие, дёрганные, почти механические,

Но в них уже жила звериная, дикая, злая черта.

Огромные клешни, как когти гигантского зверя,

С лязгом вонзались в пульсирующую глубину.

Они выхватывали из тьмы новые тела, новые тени,

И ставили их в строй — готовых к резне, ко сну.
Ещё не до конца сформированные, ещё не люди,

Но уже способные чувствовать только приказ.

В их пустых глазницах мерцал холодный, чужой огонь,

Будто сама тьма смотрела сквозь них на этот мир сейчас.
В воздухе висел запах железа, сырой земли и тлена,

Туман клубился, скрывая то, что лучше не знать.

А в нём мелькали призрачные силуэты — тени прошлого,

Шёпот стонов, крик тех, кто стал лишь сырьём опять.

«Не смотри, — шептал внутренний голос Каю, — не смотри,
ри,

Закрой глаза, беги, пока тьма не схватила тебя».

Но он смотрел — жадой истины, болью и страхом ведо-
мый,

Записывая каждый миг, чтобы мир не забыл никогда.

Один из новосозданных вдруг повернул голову — слишком быстро,

Слишком точно, будто знал, что здесь кто-то есть.

Взгляд скользнул по руинам, по трещинам в асфальте,

И Кай замер, чувствуя, как холод пронзает насквозь всю грудь.

Сердце колотилось, как пойманная птица в клетке,

Секунда тянулась, как вечность, звеня в ушах.

И когда чудовище медленно шагнуло вперёд,

Кай рванулся в тень, растворяясь в ночных руинах, как призрак сам.

Белёсый туман поглотил его, скрыв от чужих глаз,

А позади остался лишь лязг клешней и шёпот теней.

Город рождал монстров, и каждый новый вздох этой грязи

Становился эхом грядущей, кровавой, беспощадной войны.

И Кай бежал, не разбирая дороги, сквозь мрак и руины,
Зная: увиденное нельзя стереть, нельзя забыть.

Теперь он нёс в себе не просто кадры, а приговор миру,

И должен был донести эту правду — или погибнуть, пытаясь жить.

Глава 3. «Клятва в темноте»

Театр стоял, будто осколок прошлой эпохи,

Полуразрушенный, гордый, упрямый в своём молчанье.

Здесь, среди пыли и трещин, в глухой тишине эпохи,

Собрались те, кто ещё не смирился с проклятым расставаньем.

Кай ворвался в зал, задыхаясь, с глазами, полными тьмы,

Сжимая в пальцах треснувший экран — как улику, как приговор.

Он видел ад, он видел рождение новой, холодной чумы,

И знал: если не сказать сейчас — завтра будет лишь пепел и взор.

Лира сидела у старого стола, склонившись над бинтами,

Её пальцы дрожали, но взгляд был острым, как лезвие клинка.

Она видела столько смертей, что верила только фактам,

А в спасенье — не верила вовсе, считая его пустым звуком издалека.

Рю колдовал над схемами, чертил линии, будто руны,

Каждый провод, каждый узел знал наизусть, до последней детали.

Но даже он, знавший город, как собственное имя,

Шептал себе под нос: «Мы опоздали... мы уже проиграли».

Они спорили яростно, кричали, швыряя друг в друга слова,

Как камни в непробиваемую стену вечного мрака.

Кай кричал: «Я видел! Они растут из грязи, они живы еда,
ва,

Но уже убивают! Мы должны что-то сделать, хоть что-то!»

Ли́ра отвечала: «А что мы можем? У нас нет сил,

Только бинты, схемы и вера, что скоро исчезнет и это».

Рю бил кулаком по столу: «Системы не выдержат, я проверил,

Город уже не спасти — он стал частью чужого сюжета».

Но в этом крике, в этой ярости, в этом отчаянье чистом

Родилось что-то большее, чем просто злость и обида.

Они вдруг замолчали, глядя друг другу в глаза, в этот миг пронзительный,

Понимая: если не они — то никто. Никто не увидит выхода.

И тогда, без громких слов, без клятв на крови и звёздах,

Они просто кивнули друг другу — молчаливо, твёрдо, навсегда.

Клятва родилась не в звуках, а в тишине, в холодных проёмах,

В том, как их плечи сошлись, как исчезла между ними пустота.

«Мы остановим ритуал, — прошептал Кай, и голос его окреп, —

Любой ценой. Даже если придётся сжечь этот город дотла».

Лира сжала кулаки: «Я буду рядом. Я не оставлю раненых».

Рю тихо добавил: «А я найду, где порвать эту чёртову паутину зла».

В этот миг город содрогнулся — не от ветра, не от грозы,

А от тяжёлого, мерного шага, что шёл по проспектам, как приговор.

Первая колонна армии Астарота вышла на улицы,

Ряды фигур в доспехах из плоти, с глазами — как тлеющий костёр.

Они шли без криков, без воплей, без звериного рёва,

Их шаг был ровен, как пульс машины, холодной и беспощадной.

Глаза горели тусклым красным светом — не как у людей, не как у богов,

А как у тех, кто забыл, что значит быть живым когда-то.
Сквозь трещины в стенах театр видел этот марш,

И каждый из троих понимал: время кончилось, началось действие.

Не было больше споров, не было сомнений, не было оправданий,

Была только клятва, тишина и грядущее столкновение.
Город стонал под их шагами, асфальт трескался, как стекло,

Ветер нёс запах железа и пепла, и шёпот теней в переулках.

А внутри полуразрушенного театра, в сердце тьмы и тепла,

Трое стояли плечом к плечу — и готовились встретить бурю.

Пусть мир рушится, пусть небо падает на головы,

Пусть тьма поглощает всё, что было дорого и свято.

Они дали клятву в темноте — и теперь нет дороги назад,

Только вперёд, сквозь огонь, сквозь страх, сквозь неизбежное проклятье.

Глава 4. «Щипцы судьбы»

В катакомбы, где свет не живёт, а лишь гаснет в испуге,

Спустилась команда — три тени среди каменных снов.

Здесь воздух густой, как застывшая, вязкая выюга,

А стены покрыты слизью — следами чужих, мёртвых слов.

Рю шёл впереди, сжимая схему, как талисман,

Каждый поворот, каждый люк — как строчка в проклятом пророчестве.

Он знал: энергоузел — сердце всей этой тьмы и обмана,

И если его остановить — ритуал рухнет в бездну, в ничтожество.

Кай шагал следом, чувствуя, как холод ползёт по спине,

Лира замыкала строй, держа руку на рукояти клинка.

Они шли сквозь тишину, что звенела, как натянутый нерв в тишине,

Сквозь запах железа и тлена, сквозь шёпот из каждого угла.

Патруль возник из темноты — резкий, как удар ножа,

Фигуры в полутьме — быстрые, безжалостные, чужие.

Их движения — механические, точные, без дрожи и страха,

Словно сами законы жизни для них давно уже стали чужими.

Вспышка выстрела — и эхо катится по коридорам,

Крик, оборванный на полуслове, как нить, что рассекли мечом.

Один из бойцов сопротивления падает, не успев даже вскрикнуть,

Его глаза застывают, глядя в пустоту, в бесконечный мрак.
Лира метнулась к нему, но уже было поздно — кровь растекалась по полу,

Тёмная, густая, почти чёрная, как сама эта подземная тьма.

Она стиснула зубы, пряча боль, и снова встала в строй,

Понимая: сейчас нельзя останавливаться, нельзя терять время зря.

Они шли дальше, сквозь стальные тоннели, сквозь призрачные тени,

Мимо труб, что пульсировали, будто вены исполинского зверя.

Каждый шаг отдавался в груди тяжёлым, глухим сердце-

биением,

А впереди уже мерцал тусклый свет энергоузла — цель, проклятие и надежда.

У дверей их ждала ловушка — холодная, расчётливая, злая,

Механические затворы щёлкнули, отрезая путь назад.

И из тени, из полумрака, из самой сердцевины этой стали,

Вышел тот, кто раньше был человеком — теперь лишь призрак, лишь ад.

Его тело было искажено, сшито из кусков чужой плоти,

Глаза горели тусклым красным светом, как угли в остывшем костре.

Он шептал что-то на языке, которого никто не знал,

Но смысл был ясен без слов: «Вы не должны дойти до цели».

Рю рванулся вперёд, бросая в него импульсные заряды,

Кай ударил клинком, рассекая тьму и эту искажённую форму.

Лира крикнула, прикрывая их, не давая чудовищу шанса,

В этом хаосе вспышек и криков рождалась новая, отчаянная воля.

Бой кипел в тесном пространстве, где каждый удар отдавался эхом,

Металл скрежетал, искры летели, как звёзды, падающие в бездну.

Чудовище было сильным, быстрым, почти неуязвимым,

Но в нём всё ещё жила память о том, кем он был когда-то.
И в момент, когда клинок Кая вонзился в грудь существа,

На миг в его глазах мелькнуло что-то человеческое — боль и тоска.

Он прошептал: «Простите...» — и рассыпался в серую пыль,

Оставляя после себя лишь тишину и горький привкус утраты.

Энергоузел мерцал, пульсировал, сопротивлялся их воле,

Рю подключал провода, пальцы дрожали, но разум был твёрд.

«Сейчас или никогда, — прошипел он сквозь стиснутые зубы, —

Эта система должна сгореть, чтобы город смог дышать свободно».

Кнопки щёлкали, экраны вспыхивали тревожными кодами,

Система кричала, сопротивлялась, пыталась защититься.

А над резервуарами, в городе, что тонул в вечном сумраке,

Огромные клешни всё так же опускались в вязкую грязь, выхватывая новые судьбы.

Щипцы судьбы сжимали мир, вытягивая из тьмы новых солдат,

А внизу, в катакомбах, трое боролись за шанс на рассвет.

Цена была высока, кровь лилась, сердца бились на пределе,

Но они не отступили — потому что отступить было некогда.

Глава 5. «Призрак в доспехах»

В сердце узла, где воздух дрожал от напряжения и страха,

Где провода гудели, как струны натянутой судьбы,

Кай замер на миг — и время застыло в этом мраке,

А перед ним вырос силуэт, сотканный из тьмы и беды.
Астарот стоял — не человек, не бог, не зверь, не призрак,

Доспехи из чужой плоти, как шрамы на теле мира.

На груди — пластины, похожие на рёбра, острые, резкие,

На плечах — наросты, словно крылья павшего, проклятого кумира.

Лицо скрывала маска из полупрозрачной кожи,

Сквозь неё проступали чужие черты — чужие глаза, чужой взгляд.

Будто каждый, кто когда-то пал, стал частью этой оболочки,
ки,

И теперь их боль жила в этом холодном, бездушном образе стократ.

Он не кричал, не ревел, не метал гром и молнии с неба,

Он шептал — и этот шёпот впивался в разум, как лезвие в плоть.

Голос звучал внутри головы, минуя уши, минуя время,

Проникая глубже страха, глубже самой сути, глубже снов.
«Вы — лишь грязь, — шептал он, и слова звенели, как сталь о сталь, —

Я — тот, кто придаёт ей форму, кто лепит из хаоса строй.

Ваши жизни — черновики, ваши души — пыль на моих доспехах,

А этот город — моё творение, мой вечный, кровавый покой».

Кай хотел закричать, хотел рвануться вперёд или назад,

Но ноги словно вросли в пол, в бетон, в самую эту проклятую землю.

Перед глазами мелькали лица тех, кого он поклялся защищать,

А шёпот Астарота тянул его вниз, в бездну, в ледяную тень.

Клинок дрожал в руке, но рука не поднималась для удара,

Разум спорил с инстинктом, воля — с парализующим ужасом.

И вдруг, сквозь этот шёпот, сквозь тьму, что липла к сердцу,

Прорвался голос Лиры — из памяти, из клятвы, из прошлого.

Она кричала в его воспоминаниях: «Не сдавайся! Держись!»

Рю шептал: «Система почти готова... ещё немного...»

Эти голоса, эти тени, эти обрывки живых слов

Разорвали паутину шёпота, вернули Каю дыхание вновь.

Он рванулся в сторону, перекатился, уходя от невидимой хватки,

Вспышка света на мгновение ослепила, выжигая тьму.

Астарот не двинулся — лишь слегка наклонил голову, будто с насмешливой аккуратностью,

Как тот, кто знает: жертва всё равно никуда не уйдёт.
Но Кай уже мчался по коридору, оставляя за собой эхо шагов,

Сердце колотилось, как молот, разбивающий цепи страха.

Он спасся — но не от ужаса, не от лезвия, не от силы,

А от шёпота, что теперь жил внутри, разъедая разум, как кислота.

Слова Астарота звенели в голове, не затихая ни на миг:

«Вы — лишь грязь... Я — тот, кто придаёт ей форму...»

Они впивались в мысли, царапали сознание, искажали реальность,

Превращая каждую надежду в тень, каждое решение — в

сомнение.

Вдали, у панели, Рю сражался с системой, пальцы летали над кнопками,

Лира прикрывала его, отбивая атаки теней, скользящих по стенам.

Они не видели Астарота, не слышали его шёпота — но чувствовали,

Что тьма сгустилась, что цена победы стала невыносимо большой.

И когда энергоузел наконец содрогнулся, издав последний, хриплый стон,

Когда по трубам прокатилась волна отключения, глуша ритм резервуаров,

Кай остановился, прислонившись к стене, и прошептал в пустоту:

«Мы сделали это... Но какой ценой?»

Тени шевелились в углах, будто смеялись над этой победой,

А в глубине коридоров, там, где сгущалась тьма,

Силуэт Астарота медленно растворялся, оставляя после себя лишь холод,

И шёпот, который теперь навсегда остался в головах тех, кто выжил.

Город наверху содрогнулся — не от взрыва, не от грома, А от того, что ритм, державший армию, на миг прервался.

Клешни замерли над резервуарами, застыв в злобещей паузе,

Словно сама машина войны затаила дыхание, чтобы ударить вновь.

Но в этих секундах тишины, в этом хрупком, тонком мгновенье,

Трое поняли: они не сломали систему — они лишь ранили её.

Астарот всё ещё был здесь, в стенах, в тенях, в каждом шёпоте ветра,

И битва только начиналась — теперь уже не за город, а за свои души.

Глава 6. «Город, который кричит»

Город кричал — не голосом, не рёвом, не воплем отчаянья,

А стоном стен, скрежетом плит, треском костей асфальта в ночи.

Каждый кирпич, каждый шов, каждый стык в этой каменной ране

Впитывал тьму, превращаясь в часть проклятой, живой земли.

Резервуары ревели, как звери, запертые в клетке,

Их края дрожали, пульсируя в ритме безумного сердца.

Клешни мелькали, как лезвия гигантских ножниц,

С лязгом вонзаясь в грязь, выхватывая из неё новые тела.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.